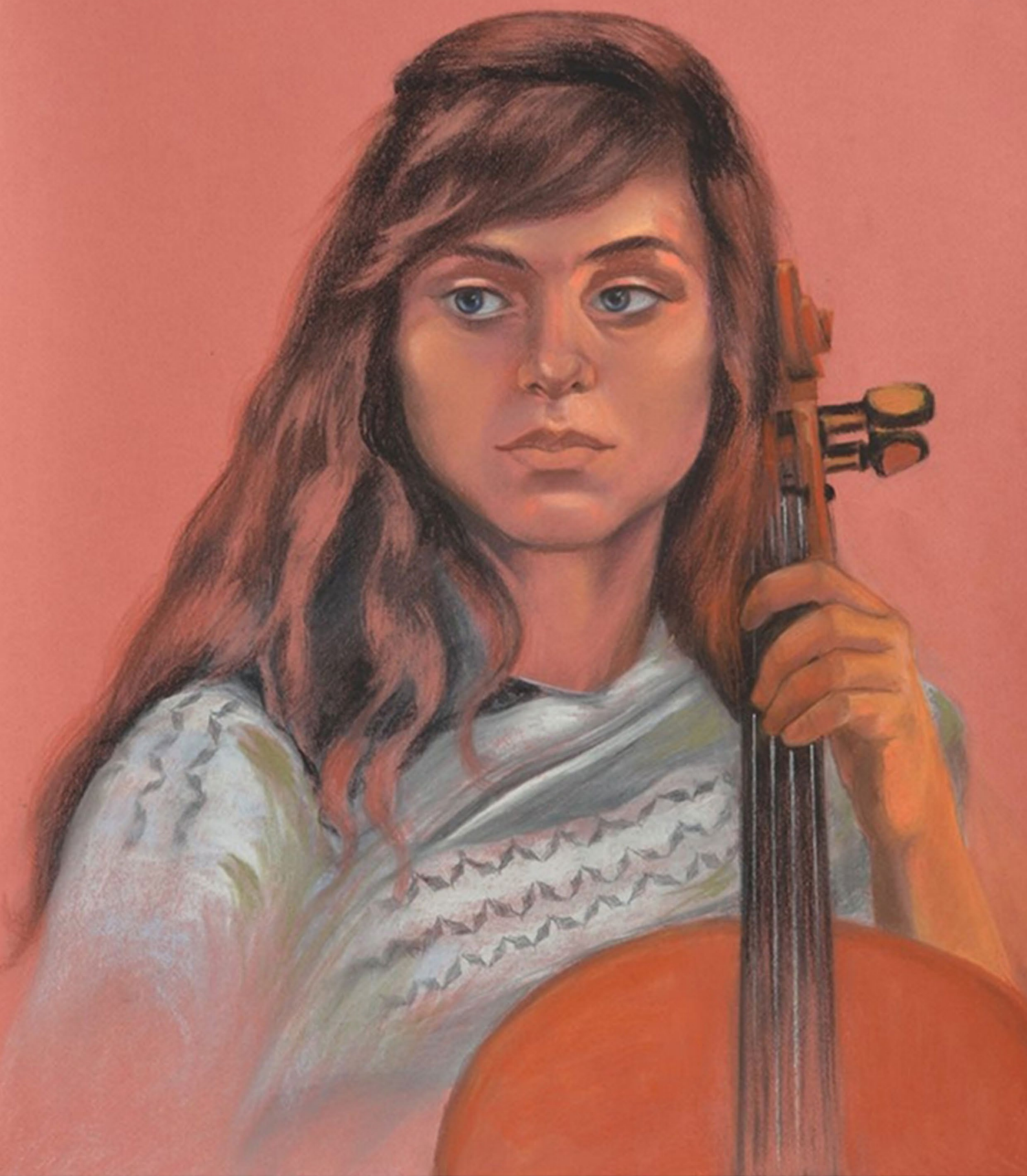

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ - ВЫПУСК I

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSC 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Исраэль Адам Шамир © 2017

Артём Кирпичёнок © 2017

Борис Дубсон © 2017

Ирис Зимбицка © 2017

Влад Ривлин © 2017

Слава Ильев © 2017

Александра Ильева © 2017

Мухаммад Альхадж © 2017

Мусаллам Бадарин © 2017

Навахель Машарка © 2017

Изя Биссерглик © 2017

Skleněný můstek s.r.o. © 2017

ISBN 978-80-7534-159-4

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

литературно-художественный альманах

Издается на общественных началах группой творческой интеллигенции
Израиля и Палестины.

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редакции.

Редакционный совет:
Исраэль Адам Шамир
Ирис Зимбицка
Влад Ривлин (гл. редактор)
Слава Ильев
Артём Кирпичёнок

Содержание

Об альманахе «На Святой Земле»

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Исраэль Адам Шамир

ПРИЯТНЫЕ СЕЛА

ВЛАДЫКА ФЕОДОСИЙ

Артём Курничёнок

ИЕРУСАЛИМ - 90

МАДЖАЛ-АСКАЛОН. ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

Борис Дубсон

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ ТАМ:

АБСОРБЦИЯ В ИЗРАИЛЕ БЕЗ ХИМИИ И АЛХИМИИ

Ирис Зимбицка

ИОРДАНИЯ. ЗАПИСКИ ИНОСТРАНКИ

Часть 1 Красные пески

Часть 2 Обычаи и обряды. Свадьба

ОБИТЕЛЬ СКВЕРНЫ. РАССКАЗЫ ИЗ ЖЕНСКОГО ПРИЮТА УМ НУР

СТИХИ

Ирис Зимбицка

Блестит река под полуденным солнцем.

В густой траве

Зачем писать,

October Blues...

Когда устают слова

Обнять шершавый ствол сосны,

Куда ты завел меня, спутник ретивый,

Осень

Осенний день, и спелый запах ягод

Заменит дождь

Мы все уйдем,

В рассвет уходят сны,

УЛИЧНЫЕ ХАЙКУ

Я люблю тебя, осень

Осень качалась в воздухе прозрачную походкой.

Листва задрожит на озябших аллеях

Влад Ривлин

Рассуждала о Душе душонка...

Тель-Авив

О чём природа говорит?

О рейтингах и суете

Ручей в Пустыне

Дети Авраама

Земля, Обетованная Земля!

Дождь в Пустыне

В моем окопе

ПРОЗА

Ирис Зимбицка

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Влад Ривлин

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ И МИНИАТЮРЫ

Лотерея

Квитанция

Что дороже всего?

Ответ

ХУДОЖНИКИ ПАЛЕСТИНЫ И ИЗРАИЛЯ

Слава Ильяев

БЕДУИНКА

ПРОДАВЕЦ ИГРУШЕК

ПОЛДЕНЬ НА КРЫШЕ

ДВОРНИК

ЦВЕТOK БЕЭР-ШЕВЫ

Александра Ильяева

МЕЧТЫ О КОСМОСЕ

МУЗЫКАНТ

ТИБА СААД ИЗ ГАЛИЛЕЙСКОГО СИМФОНИЧЕСКОГО

ОРКЕСТРА

ПЕРВОМАЙ В ТЕЛЬ-АВИВЕ

ПАСТУШОК

ДЕТСТВО В ХЕВРОНЕ

ТВОРЧЕСТВО

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Мухаммад Альхадж
Мусаллам Бадарин
Навахель Машарка

ЮМОР

Изя Вайснегер

ИЗЮ – НА ЦАРСТВОЕ!

БИССЕРГЛИК И ГЕШЕФТМАХЕР

КАК Я ИСКАЛ РАБОТУ

АЛЛАХ АКБАР

МОЙ ПЛАН МИРА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

МЫСЛИ О РАЗНОМ

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МОЙ СОН

ТУРОПЕРАТОР

КОШМАР ПРО НОБЕЛЕВКУ

КАК СТАТЬ ЗНАМЕНИТЫМ ПИСАТЕЛЕМ

Я НЕ ЗАМЕТИЛ, КАК ПРОШЛА ЖИЗНЬ...

КАК Я СТАЛ ОПАСНЫМ РЕЦИДИВИСТОМ

О ВОЗВЫШЕННОМ

ПРИТЧА О ПОРТРЕТЕ ПРЕЗИДЕНТА

Об альманахе «На Святой Земле»

Название нашего альманаха выбрано не случайно. Древняя Земля Ханаана стала Родиной самых разных народов с разной культурой и историческим наследием. И всё это разнообразное культурное наследие собрано на относительно небольшой территории Земного шара. Одинаково невозможно представить эту древнюю землю без иудейских или мусульманских святынь, без христианских храмов, бахайских садов или Армянского квартала в Иерусалиме. И это лишь небольшая часть из богатейшего культурного наследия древнего Ханаана-Иудеи-Палестины.

Святая Земля так зовётся потому, что она свята для всех. Евреев, арабов, русских, армян, мусульман, иудеев и христиан. То есть святыня общая для всех, независимо от национальности или вероисповедания. Общая основа для всех людей.

Веками эта земля становилась местом жестоких войн. Десятки завоевателей пытались установить свою монополию на Святую Землю. Но все эти войны и завоевания не разрушили главного – уникального в своей многонациональности и мультикультурности характера страны, запечатленного во множестве свидетельств разных эпох, через которые прошла Святая Земля, сохранив свое неповторимое лицо. Среди этих свидетельств особую роль играют созданные на Святой Земле гениальные произведения литературы и искусства. И скорее всего не политикам, а именно людям искусства, литературы и науки суждено положить конец войнам.

Вот почему мы выбрали именно такое название для нашего альманаха. На наш взгляд, именно оно наилучшим образом отражает концепцию этого издания: взаимопонимание и взаимодействие людей разных национальностей и конфессий.

Альманах составлен из произведений преимущественно палестинских и израильских авторов. Однако мы не ограничиваем рамки альманаха какой-то определённой географией. Наоборот, мы будем ее расширять.

Главным критерием при отборе материалов для следующих выпусков станет, при сохранении акцента на палестинскую тематику, прежде всего, художественная ценность произведений.

При этом наша цель – сблизить людей разных национальностей и конфессий через творчество во всём его многообразии.

А насколько удалось нам достичь или хотя бы приблизиться к поставленной цели – судить читателю.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Исраэль Адам Шамир

Израэль Адам Шамир – израильский писатель, публицист, правозащитник, широко известный во всём мире.

ПРИЯТНЫЕ СЕЛА

Древности Святой Земли не кажутся чуждыми ее ландшафту и ее народу – в отличие от Египта, где пирамиды могли бы быть построены марсианами. Поэтому лучше всего ходить по приятным селам и смотреть, как старина остается частью сегодняшней жизни народа.

Для этого, конечно, и в села ездить не обязательно – достаточно прийти в пятницу на Храмовую гору, Харам аш-Шариф в Иерусалиме, увидеть, как сотни тысяч человек собираются у огромного святого камня, покрытого Золотым куполом, у древнейшей святыни Ханаана, где молились Авраам и Мельхицедек, Давид и Соломон, Иисус, Мухаммад, Омар ибн-Хаттаб, Готтфрид Бульонский и, что еще более важно, где молились их предки из рода в род со времен Мельхицедека, Соломона и Иисуса. Религии меняются – но святое место, бог и народ остаются.

Но старина живет и в не столь примечательных местах. На старой дороге из Рамаллы в Наблус лежит деревня Джифна, что значит «виноградная лоза». Джифна и ее окрестности – палестинская Швейцария. Дома удивительных очертаний стоят на фундаментах крестоносцев. Заглянув в переулок шириной в сажень, мы нашли крепость крестоносцев – в неплохом состоянии, с узкими воротами, крепостным валом и рвом вокруг. В бастионах крепости жители устроили себе склады. Почти каждый второй дом в деревне был заложен крестоносцами. Этот район играл важную роль в обороне Иерусалимского королевства, и здесь осталось много церквей, монастырей и крепостей – и, конечно, генов: тут полно голубоглазых блондинов.

Семьи франков живут во всех окрестных селах, многие перешли в ислам еще при Саладине, но в Джифне почти все – христиане. На шестьсот человек приходится три церкви – православная, греко-католическая и римско-католическая. Гулять по улицам Джифны – одно удовольствие: они чисты и умыты, жители приветливы, вокруг деревни – виноградники, редкие в Самарии, в отличие от Иудеи. Когда мы сунули нос в какой-то переулок, нас сразу же пригласили войти в дом. Хозяева, католическая арабская семья, немедленно послали детей за холодным лимонадом, пока хозяйка семижды подымала пенку на турецком кофе. Печенье, орехи, сласти на медных подносах гуляли по комнате – мы попали в семейный день, когда по случаю праздника собралась вся семья – и дочь, вышедшая замуж за израильского араба и уехавшая жить в Яффу, и сын, работавший в Иерусалиме во францисканской школе. Сидя на многих подушках, ухоженные, закормленные и забалованные, мы вели неспешный разговор об урожаях и задержавшихся дождях, который лучше прямых откровенных слов позволяет выразить чувство доброй воли.

Прекрасное село Тайба стоит на самом краю пустыни, на дороге, ведущей из Рамаллы в Иерихон. Его жители – православные и католики, построили себе роскошные и просторные дома. Они варят отменное пиво, пахнущее ячменем и солодом. Однажды я пришел в Тайбу с живущим в Америке русским писателем, который как-то совмещал веру в Христа с верой в правоту рабби Кахане, основателя маленькой израильской неонацистской партии. Перед поездкой в Тайбу он довольно бодро требовал немедленного изгнания всех арабов – на грузовики их, Сталин, мол, давно бы это сделал. В Тайбе мы взошли на вершину холма, на котором расположено село, там, где стоят развалины замка времен крестоносцев – Бубарие (от французского Boverie). С дороги его не видно – селяне обстроили его со всех сторон так, что для одного дома башня замка служит стеной, а для другого – полом. Но если подняться наверх, то можно увидеть, что замок, которому более восьмисот лет, прекрасно сохранился. Он построен на еще более древних основаниях, когда Тайба называлась Офрой.

В те дни, больше трех тысяч лет назад, в Святую Землю пришла очередная волна кочевников с востока, мидианитов. Эти кочевники отличались от своих предшественников тем, что использовали новое средство передвижения – верблюда. До тех времен верблюдов приручен

не был, и пастухи кочевали на ослах. На осле далеко не уедешь, и молока от ослицы мало, шерсти нет, шкура грубая, мясо несъедобное, а поэтому кочующий на осле должен обзавестись еще овцами и козами. С овцами и вовсе невозможно спешить. Поэтому пастухи окраин не отдалялись от оазисов и пастбищ и легко оседали, когда им предоставлялась возможность, как это легко делают и в наши дни полуседлые-полукочевые бедуины (Кочевых бедуинов сегодня в Палестине практически не осталось, и только тяжелая рука военных властей мешает последним жителям шатров и бараков построить себе дома). Но верблюд позволяет покрывать огромные расстояния пустынь, обеспечивая своего седока молоком, шерстью, мясом. Мидианиты примчались из глубин пустыни, и к оседлой жизни они не имели ни навыка, ни желания. Офра, расположенная на краю пустыни, особенно страдала от набегов.

Житель Офры, Гидеон сын Иоаша, возглавил кампанию против мидианитов, и разбил врага. Благодарные израильтяне хотели сделать его царем, но Гидеон отказался. Возможно, на месте дерева, у которого ангел Господень явился Гидеону, стоял впоследствии эпод, а в наши дни стоит православная церковь Тайбе, с ее основаниями, заложенными еще до Константина.

Жители Тайбе ведут свой род от старых христиан и считают, что их предки были обращены не апостолами, но самим Иисусом, когда Он возвращался в Иерусалим из-за Иордана. После мусульманского завоевания название села было изменено, потому что Офра напоминает арабское слово «ифрит», джинн, и село стало называться Тайбе, что значит «приятная, хорошая». Жители Офры – Тайбы никогда не оставляли села, даже при появлении неприятеля. Они рассказывают, что их предки не бежали от Саладина после разгрома королевства крестоносцев, говоря, что «хорошим людям нечего бояться хороших людей».

При крестоносцах была отстроена еще одна старая византийская церковь – св. Георгия (в селе ее называют эль-Хадр), она стоит к северу от дороги, проходящей по селу. От церкви св. Георгия остались каменные стены, мозаики, остался массивный порог: сохранилось практически все, кроме крыши. Из нее открывается прекрасный вид на село и на пустыню. И хотя в Святой Земле много более древних церквей, чем эта (XII век), она впечатляет. Может, на ее месте стояла святыня Офры при Гидеоне. А может, там или рядом стоял камень, на котором через несколько лет правитель Шхема Авимелех отрубил головы семидесяти сыновьям Гидеона, покончив с шансами Офры на возвышение. Древний порог церкви и сейчас покрыт жертвенной кровью – местные жители совершают здесь древний обряд заклания агнца.

Так или иначе, осмотрел писатель руины замка, посмотрел на православную церковь, глянул на руины св. Георгия, потолковал с солидным, дородным жителем, который рассказывал нам о своей ответственной работе инспектора гаражей. У сына инспектора, малыша семи лет, вместо котенка или щенка был на руках белоснежный, мытый и расчесанный козленок, который то и дело бегал по лестницам их дома на самой вершине холма, впритирку к замку Бубарие. Писатель вытащил свой нательный крест из-под рубашки – здесь он выглядел, как пропуск в мир древних христиан. Когда мы отъехали от села, писатель долго молчал, а потом сказал: «Ну нет же, как можно их выселять? Живут и слава Богу».

Одно из самых удивительных сел – Хирбет-эль-Маурак к западу от Хеврона. Тут может показаться, что тебя занесло на машине времени в легендарные дни древней Палестины. Проехать туда нелегко, дороги ужасные, но люди гостеприимны. Посреди крошечного села, напротив колодца стоит настоящий дворец, чем-то напоминающий реконструкцию иродова храма. Это частная загородная усадьба времен Христа, раскопана археологами и оставлена в хорошем состоянии. В колодце – чистая холодная вода. Молоденькая селянка зачерпнула нам воды, напоила, потом ушла с кувшином на плече по единственной улице села мимо дворца, как в кино. Местные старики охотно продадут вам древние монеты – они редко видят туристов, не решающихся заехать к «страшным палестинским террористам».

Палестинские села живут в согласии с древностями – с византийскими монастырями и церквями, как эль-Хадр, с крепостями крестоносцев, как эль-Бурдж на юге Хевронских гор, с дворцами времен Ирода, как в Хирбет-эль-Маурак. Древности становятся частью жизни, а не декорацией, не инородным объектом, за осмотр которого берут деньги.

Мое любимое село – Абуд, одно из коренных, устоявшихся, подлинных, кондовых сел Нагорья. Оно лежит на западном склоне гор, вдали от больших дорог, на равном расстоянии от Калькилии, Рамаллы и Рош-ха-Аина.

Абуд очарователен и напоминает деревни Тосканы. Его пожелтевшие от времени дома растут на некрутых склонах холмов. Виноградная лоза вьется на их балконах, широколиственные смоковницы осеняют улицы своей тенью. Процветание древнего Абуда видно по его просторным домам, по вылизанной чистоте его улочек. Старики Абуда сидят в тенистом уголке за невысокой каменной оградой на каменных скамьях, как мужи Итаки, созданные на совет молодым Телемахом. Это – «диван» восточных городов, или «врата города» библейских рассказов. Дети приносят им кофе и фрукты, дымятся кальяны, разнося запах яблока, идет неспешная мужская беседа. Жители Абуда – не беженцы Газы, не возвращенцы Рамаллы, но коренные крестьяне, живущие на своем родном месте. Здесь, как в машине времени, можно увидеть Палестину такой, какой она была и должна быть.

Абуду – три тысячи лет. Здесь родился пророк Овадия, сохранилась и древняя «бама» – высота, где предки нынешних жителей поклонялись богам. Культ Иерусалимского храма не доходил до этих мест. А две тысячи лет назад жители Абуда приняли христову веру прямо от самого Христа. В память о Его посещении здесь стоит одна из древнейших церквей на свете, построенная Константином в четвертом веке, а то и раньше. Археологи обнажили ее древний нартекс, а прихожане тщательно отремонтировали и украсили. В этой православной церкви капители колонн украшены византийскими крестами и пальмовыми ветвями, стоит образ Богородицы, палестинской женщины из недалекой Саффурии. В южную стену церкви вмурована каменная доска, сообщающая квадратным сирийским письмом о ремонте, произведенном в 1030 году, за полвека до крестоносцев.

Неподалеку находится и католическая церковь, построенная на византийском фундаменте монастыря св. Симеона, и в ней можно увидеть древнюю мозаику. Есть в Абуде и мечеть, и мусульмане, православные и католики живут вместе мирно и дружно. Православные и католики Абуда (и других палестинских сел) празднуют Пасху и Рождество вместе: Пасху – по православному календарю, как в России, а Рождество – по западному, 24 декабря. Но все – и христиане, и мусульмане Абуда – почитают св. великомученицу Варвару и считают, что она жила и погибла в Абуде.

Древняя православная церковь св. Варвары стояла на холме в двух километрах к западу от центра села, откуда открывался прекрасный вид. Крестьяне Абуда отремонтировали ее и возобновили воскресные службы, но в прошлом году израильтяне добрались до нее и взорвали церковь, «чтобы не служила убежищем партизанам».

На склоне холма ниже руин церкви сохранилась пещера, где покоились мощи святой, и крестьяне приходят туда, дают обеты и зажигают свечи и лампы. Вместо керамических светильников с оливковым маслом они зачастую зажигают банки с керосином, и целая груда ржавых консервных банок перед входом в пещеру служит свидетельством этому обычаю. Мусульмане приходят сюда вечером по четвергам, как обычно в Палестине, а 17 декабря, в день святой Варвары, все жители Абуда без различия веры идут процессией к пещере и к руинам церкви.

Здесь, в Абуде, самом ординарном палестинском селе, начинаешь понимать вздорность сионистского мифа о Палестине – «земле без народа», ждавшей «народ без земли», скудно заселенной пришлыми арабами из пустыни. Жители Абуда, древние христиане, бесспорно жили в этом селе, в этих домах за века до нас. Археологи доказали, что село не разрушалось и не оставлялось на протяжении последних трех тысячелетий. Наши глаза подтверждают их свидетельства: вот древняя церковь, вот старинные дома, вот древние оливы, а вот древние погребальные пещеры. Палестинцы – такой же коренной народ на своей земле, как русские – в России, а французы – во Франции.

Но палестинцы – арабы, а арабы пришли в Палестину только в седьмом веке, возразит

читатель. Это не так. Арабское завоевание Палестины в седьмом веке изменило лишь религию, но не народ. Рансимен, один из крупнейших специалистов по истории средневековья, пишет об арабском завоевании: «Армии победителей были невелики. Они обеспечили лишь существование военной касты, навязанной населению. Этнический состав населения практически не изменился. Хотя мы называем (жителей Палестины) «арабами», на деле они – потомки народов и племен, живших здесь до Исхода Израиля из Египта, и иудеев, которые, наподобие первых апостолов, вошли в церковь Христову».

Де Хаас пишет в «Истории Палестины»: «Население Палестины – арабоязычное, но не арабское. Его можно назвать арабским по языку и культуре, но не по этническому признаку. Жители Палестины – потомки хананейских и арамейских племен, как и в дни Израильского царства».

К этому выводу пришли Клермонт Ганно и другие авторы первого капитального научного труда по истории, археологии и этнографии Палестины – речь идет о непревзойденном и по сей день «Обзрении Западной Палестины» (Survey of Western Palestine). Чтение этих пухлых томов, где упомянута каждая горстка камней к западу от Иордана, подобно откровению: уже тогда ученые пришли к выводу, что население палестинских деревень – это потомки древнего населения страны. Эта точка зрения считалась непреложной вплоть до 1948 года, когда победила сионистская мифология. Раньше – и сегодня за пределами Израиля – ученые не сомневались, что арабское завоевание не изменило этнического состава страны. Серьезные израильские труды отмечают это и сейчас. Феллахи Абуда пахали свои поля и окапывали свои оливы еще при Иисусе – то ли Назареем, то ли Навине. «Чисто арабских воинов в армиях ислама было крайне мало. Миф о «несчетных сынах пустыни» не имеет оснований», – продолжает де Хаас.

Но арабское завоевание возвратило Палестину в семитскую стихию. Чтобы понять это, спустимся на побережье, к городку вилл и посольств Герцлия Питуах. К северу от садов Герцлии, в районе Ноф Ям стоит недавно раскопанный курган, рядом с огромным армейским складом отравляющих веществ и боеприпасов (он бабахнул несколько лет назад, и после этого был законсервирован). Археологи обнажили стены, ворота и залы замка крестоносцев, но в более древних слоях был найден город Решеф, носивший имя ханаанского бога огня (к руинам крестоносцев мы вернемся в другой главе). «РеШеФ» – простое семитское слово, оно сохранилось и в современном иврите и значит теперь «искра» (в семитских языках пишутся в основном согласные, которые я выделил заглавными буквами). Три тысячи лет тому назад в Решефе жили палестинцы, родичи израильтян и финикийцев. Здесь расцветала местная, семитская, южно-сирийская культура.

В 332 г до н.э. Александр Македонский завоевал Палестину, и началась эллинизация страны. Приобщившиеся к мировой культуре жители переименовали город в честь греческого Решефа, и назвали Аполлонией. Аполлония была важным городом, и археологи нашли следы древних церквей, самарянских гробниц и мозаику того периода. Но после победы ислама город вернул себе древнее семитское имя – аРСуФ.

Это не исключение, но правило. Скифополь вновь стал Бет Шеаном (Бейсаном), Птолемида снова стала Аккой, Элевферополь – Бет Джибрилем, Филадельфия – Амманом. Стоит призадуматься – тысячу лет город носил эллинское имя. Тысяча лет – долгий срок по любым меркам. И все же эллинское имя сгнуло, а старое семитское имя вернулось. «Население Палестины всегда было семитским. Многие расы приходили сюда – филистимляне, хетты, греки, но они едва привились к семитскому родословному древу Палестины», – пишет Джордж Адам Смит.

Мне кажется, что этот феномен лучше всего объясняет Тойнби. Арнольд Тойнби, блестящий английский историк, создал теорию культур и цивилизаций, объясняющую многие странности истории. Согласно Тойнби, завоевания Александра Македонского прервали нормальный ход жизни семитской сирийской цивилизации. Ближний Восток стал периферией

эллинистического, а затем греко-римского мира. Но цивилизации не так-то легко умирают. Даже в Латинской Америке, где испанцы уничтожили цивилизации майя, инков, тольтеков, по мнению Тойнби, еще могут возродиться цивилизации – преемницы этих индейских культур. Так и Ближний Восток, казалось бы, покоренный века назад, лишившийся собственной индивидуальности, только ждал случая, чтобы собраться с силами и заявить о своем культурном суверенитете. Культурной декларацией независимости Востока стал ислам. Халифат, утвержденный мусульманскими победителями, был преемником легендарного царства Соломона и империи Ахеменидов. Прерванная цепь времен вновь была воссоединена.

Даже в дни расцвета эллинистического влияния крестьяне Палестины продолжали говорить на семитских арамейских диалектах, схожих с арабским и ивритом. Арабский, язык империи, смог вытеснить родственный ему арамейский – хотя этого не смогли добиться греческий и латынь за тысячу лет эллинизации. Покоренные жители Святой Земли гордились своим «родством» с арабскими армиями. Вплоть до XIX века многие палестинцы вели свою родословную от бедуинов севера (Каис) или юга Аравийского полуострова (Яман). Если учесть, что «деление на Каис и Яман не соответствовало делению территориальному, географическому, экономическому, классовому, этническому и племенному», и что в одной семье один брат мог относить себя к Каису, а другой – к Яману, становится ясно, что это никак не было связано с арабским завоеванием.

Впрочем, увлечение завоевателями свойственно не только Палестине. Не так много норманнов пришло с Вильгельмом Завоевателем в Англию в 1066 году, но все знатные роды Британии ведут свой род от его соратников. Древние русы или росомоны были, видимо, маленьким скандинавским племенем, которое смогло дать свое имя славянскому народу и всей России. Английские лорды гордились норманнской кровью, вовсе не считая себя французами; русские аристократы гордились своими полулегендарными предками – варягами (Романовы) или татарскими князьями (Набоковы), в то же время не переставая быть русскими, а многие палестинцы производили свои родословные от знаменитых воинов ислама. Так, многие мусульмане Абуда считают себя потомками первого халифа Абу-Бакра, преемника Мухаммада, погребенного рядом с Пророком в Медине. Во многих селах сохраняется название завоевавшего их арабского племени. И хотя на одну каплю крови из пустыни приходилось сто местной – естественно, что люди больше гордились родством с завоевателями. Так, германское племя франков завоевало огромную римскую Галлию, и хотя этнический состав населения мало изменился, народ принял имя победителей и стал называться французами.

Победа ислама на Ближнем Востоке в VII веке напоминает победу христианства в Испании в XV веке – приход Омара ибн-Хаттаба в Иерусалим стал семитской реконкистой, завоеваниям Александра был положен конец. Когда мы говорим о тысячелетнем интервале, трудно пользоваться простыми политическими терминами вроде «освобождение» – скорее «возрождение». Римско-византийское правление не было «оккупацией» или «колонизацией», скажем, в пятом-шестом веках н.э. – хотя бы потому, что местное население было христианским и «византийским». Нет, народ Палестины не «томился под сапогом византийского угнетателя и мечтал о другой жизни», но не исчез культурный конфликт эллинистической цивилизации и семитского населения. Ислам помог разрешить этот конфликт и привел к возрождению местной традиции.

Христианами остались либо семьи, непосредственно связанные с церковью и службой, либо крестьяне дальних сел, куда не доходили миссионеры ислама. Различия не в чистоте крови: этнически выбор невелик, ситуация такая же, как и в Египте, где «мусульмане чаще вступали в брак с арабами, чем копты, но с другой стороны, копты чаще вступали в брак с христианами – греками и левантийцами. Если же считать чистокровными египтянами коптов Верхнего Египта, куда эллинизация не доходила, то по их коже видно, что их предками были черные нубийцы».

Христианские деревни кажутся более зажиточными и устоявшимися, но мусульманская

эль Бире не беднее соседней христианской Рамаллы. Предположительно 10% палестинцев – христиане, но большинство живет в городах – Иерусалиме, Рамалле, Назарете, Вифлееме, Яффе, а в селах – лишь небольшая часть. Мусульманские села не менее, а то и более гостеприимны.

Сидя меж старых домов Абуда, у его построенной Константином церкви, особенно приятно читать политический бестселлер «С незапамятных времен», написанный американкой Джоан Петерс. По мнению г-жи Петерс – основываемому на пятистах страницах массой наукообразных ссылок – палестинцы пришли в Святую Землю в основном уже после начала сионистской колонизации, т.е. за последние сто лет, из смежных арабских земель. Поэтому предлагается ненаписанный черным по белому вывод – гнать надо этих незваных гостей, которые здесь и живут-то без году неделя.

Многим американским евреям эта книжка понравилась – Сол Беллоу, нобелевский лауреат, назвал ее «одной из важнейших книг века». Одобрил ее и Эли Визель, лауреат нобелевской премии мира. Еще бы, она предлагала полную реабилитацию, моральное оправдание тем, кто лишил миллионы палестинцев дома и крова. Так буры доказывали, что черные оказались в Южной Африке уже после прихода голландских колонистов. В отличие от американских евреев, израильтяне слишком хорошо знали предмет, чтобы увлечься такой незамысловатой ложью. «Она приняла всерьез устаревшую израильскую пропаганду 50-х годов» – таков был вердикт израильских историков. Норман Финкельштейн тщательно опроверг ее научный аппарат, выявив натяжки и передержки, но нам, жителям этой страны, и в этом не было нужды.

В сионистской мифологии недавности прихода палестинцев отводится центральное место. Палестинцы – «арабы» – «завелись» в Святой Земле, когда та лежала в запустении после изгнания евреев. Этот миф неоснователен – приезжайте в Абуд или эль Джиб, посмотрите на его древние дома и церкви, посмотрите на его крестьян, и вы поймете, что они не свалились с Луны. Палестинцы – мусульмане и христиане – потомки древних хананеев, колен Израиля, апостолов Христовых, воинов ислама, рыцарей Крестовых походов.

Впрочем, до недавнего времени повсюду на земле люди жили на одном месте. В книге Нормана Дейвиса *The Isles*, рассказывается о находке Cheddar Man, скелета человека, погибшего 8,980 лет назад. В 1996 году ученые провели ряд анализов и установили, что его ДНК идентична ДНК нашего современника, Адриана Таргетта, учителя из Чеддара. Так было доказано, что нынешнее население Англии – несмотря на волны пришельцев, англов, саксов, норманнов – потомки древнейшего автохтонного населения острова. Так же обстоят дела и в Палестине: нынешние палестинцы – потомки древних жителей нашей страны.

Непрерывность жизни в Палестине видна на юге Нагорья, в горах к югу от Ятты, где испокон веков живет в пещерах небольшое племя скотоводов. По мнению этнографов (в частности, покойного президента Израиля Ицхака Бен Цви), их предки исповедовали иудаизм вплоть до 9-го века. Я поехал туда, когда израильская армия прогнала их из пещер.

Ясным весенним днем мы сели в разбитую «Шкоду» приятеля и поехали посмотреть своими глазами на пещерных людей и на тамошние места, потому что лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. В это время года ковры цветов покрывают холмы Юга. Красные поля анемонов вдоль дорог перемежаются белыми и желтыми ромашками и маргаритками, а меж них темным фиолетовым пятном выделены ирисы. Вскоре солнце выжжет траву до ржавой коросты, но сейчас нежные облака овечьих отар плывут по зеленой глади. Патриархальная прелесть Палестины еще сохранилась в этих дальних местах. Ведь удаленность измеряется не километрами. Если провести прямую линию между Иерусалимом и Беер-Шевой, к востоку от ее пересечения с «зеленой чертой» (границей Израиля в 1948-1967 гг.) находится самая глухая глубинка Палестины, где мало что изменилось за последние три-четыре тысячи лет.

Невысокие холмы и просторные долины Шефелы вдруг, без предупреждения, превращаются в крутые складки гор, и с них открывается чаша пустыни, замкнутая с востока горами Арада. Пещеры начались сразу же. К западу от «зеленой черты» у самой дороги – знак архе-

ологических раскопок Хирбет Рувейна, где, как написано на знаке, жили древние иудеи во времена легендарного Первого Храма. Это хорошо сложенные прочные ограды вокруг целого лабиринта пещер. Пещеры просторные, обжитые, с кострищами и отверстиями в своде для выхода дыма, с элементами кладки. Они разделены на несколько приделов, как бы комнат, невысокими, до высоты бедра стенами.

Дальше к востоку – еще более внушительная руина, пещерный город Сусия, где стоит древняя синагога с мозаичным полом. Она была построена в 4 веке и простояла до девятого века, а тогда плавно превратилась в мечеть. Сначала, видимо, только часть местных жителей перешла в ислам, и тогда во дворе синагоги возникла молитвенная ниша – михраб. С годами их примеру последовали и прочие, и синагога стала мечетью, хотя те же пастухи и их дети молились в тех же стенах.

Дорога идет мимо холмов, и все чаще мы замечаем такие же пещеры, что и в археологических руинах, но уже жилые. На холме, на конфискованной у палестинцев земле – новое еврейское поселение Маон, крепкие стандартные дома с красными черепицами, полно воды, электрические фонари, новые блестящие машины, колючая проволока, охрана с автоматами. У подножья холма, в складке зеленого вади – скопление пещер и робких нерешительных лачуг. Это Тувейне, одно из селений пещерных жителей. Здесь нашли приют их выселенные родичи.

Мы подъехали, даже не зная, как нам повезло – через несколько недель армия перекопает дорогу, и полностью отрежет эти места от внешнего мира. Мы поставили машину на въезде в село. В вади здоровый мужик пас овец, но, увидев нас, оставил отару и поднялся на дорогу. Подошло еще несколько крестьян. Когда они поняли, что мы пришли с миром, расцвели улыбками, показывая удивительно ровные белые зубы. Из ближней хижины вышла старуха с чайником и сразу угостила нас горячим чаем с травами.

Крепкие, здоровые люди – здешние горцы. Их лица необыкновенно красивы почти картинной красотой. Густые бороды, теплые халаты («как в Таджикистане», – заметила Алиса, уроженка Душанбе), правильные черты, вокруг вьются чистые и обихоженные дети. Можно год ходить по Израилю – не встретишь таких довольных и умиротворенных лиц.

Эти люди довольны своей долей, своими просторными и аккуратными пещерами, унаследованными от предков, довольны собранной дождевой водой, зеленой травой и голубыми небесами. Как в притче о рубашке счастливого человека, у них, у счастливых людей, нет рубашек. Они хотели только одного – чтобы их оставили в покое. Даже для меня, человека не нового в палестинской глуши, это оказалось неожиданностью. Газетные статьи подчеркивали бедность и убогость их быта, и я ожидал увидеть несчастных бедолаг, вроде тех, с которыми встречаешься в районе «старого автовокзала» в Тель-Авиве. Но нет, здесь не было несчастных и обездоленных нищих, грязных сопливых детей, измученных одиноких матерей, никто не показывал нам пустые холодильники и бумажки от соцстраха. Крепко стоят на земле крестьяне Хевронских гор.

– Покажите нам вашу пещеру, – попросили мы.

Наш первый знакомец по имени Абед на минуту исчез и вскоре подкатил к дому на стареньком тракторе, как заправский таксист. Мы забрались на рога и крылья трактора, Махмуд уселся на капот, Абед врубил передачу, и трактор пополз вверх по грунтовой дороге под наши песни вроде «Прокати-ка нас, Абед, на тракторе, до околицы хоть прокати». Путешествие было не для слабонервных. Трактор полз по крутизне, наши палестинские провожатые обсуждали, в какую сторону лучше прыгивать, если он перевернется. Но вскоре перед нами открылся лучший в мире вид гор и цветущей пустыни. Далеко внизу белел Арад. И повсюду, как хутора в степи, виднелись входы в пещеры с узорными карнизами.

Трактор остановился, и мы спустились по склону в вади, где, окруженная крепкой каменной стеной, была пещера нашего знакольца, а рядом – еще несколько пещер. Мы заглянули в одну из них, там жила пожилая женщина с двумя маленькими девочками, видимо, внучками. Они вернулись домой, несмотря на запрет властей, несмотря на угрозу ареста. Только тут я

понял, для чего служили невысокие стены-перегородки в пещерах. В одном приделе были овцы. В другом – корм для овец. В каменной кладке был сооружен своего рода шкаф. В жилой «комнате» пол был покрыт циновкой и матрасами, а перед ней горел костер. Было удивительно тепло и уютно. Наверно, в такой пещере в Вифлееме крестьянка из Галилеи родила своего сына. А вот в такие ясли она положила младенца – в каменную кормушку для овец. В такую же дверь она выглядывала, не идут ли солдаты.

Соседняя пещера была разорена солдатами. Грустно видеть разоренный дом, даже если это – только пещера. Мы посидели на перевернутых камнях, а наши хозяева поставили на огонь чайник и принесли свежие лепешки, совсем не похожие на городские. Их пекли в печи – «табуне» – прямо во дворе пещеры. Не так-то легко сдаются крестьяне, привыкшие к борьбе со стихиями в этом суровом краю. Им так мало надо, что лишениями их не напугать. Воду им не отключат, ее посылает сам Господь Бог, электричество и счет в банке не перекроют, за отсутствием такового. Впервые у меня проскользнуло что-то вроде зависти вместо должного сострадания.

У этих крестьян совершенно не было злобы, их тянуло к израильтянам, им было интересно понять, чем мы живем, так же, как и нам – понять их уклад. Абед на тракторе отвез нас обратно к машине, и русые волосы Алисы развевались на ветру, как знамя. Мы долго прощались и обменивались номерами мобильных телефонов. И думалось – как замечательно можно жить вместе. Напрасно люди боятся, ведь с миром можно придти в любое палестинское село, и вас везде хорошо встретят.

Эти пастухи – не бедуины, но феллахи, то есть оседлые крестьяне, но на краю пустыни нет большого различия в образе жизни феллаха и бедуина. Между пещерами, повсюду, где возможно, они сеют ячмень, овес, пшеницу. Есть у них и оливковые деревья, и гранаты, и миндаль. Они живут, как их предки жили из века в век.

Среди пещер юга Иудеи еще яснее становится то, что пытается скрыть официальная пропаганда. Древнее население Иудейских гор не вымерло. Они не ушли в изгнание, не научились говорить на идиш, не зубрили Талмуд, не открыли шинок, они остались здесь, на родине. Как и три тысячи лет назад, они молятся на высотах и в храмах Хеврона и Иерусалима. Как и три тысячи лет назад, они живут в тех же пещерах и разводят таких же овец. И так же говорит с ними Господь Бог.

Евреи и палестинцы происходят от общих предков, но их история была весьма различной. В истории Святой Земли не раз возникал перед жителями выбор – земля или вера. Так, во времена Крестовых походов тысячи мусульман бежали из Палестины перед лицом христианских воинств – в частности, бежали благородные арабские семьи, пришедшие с Омаром ибн Хаттабом. После победы Саладина сотни колонистов-франков бежали на Побережье. Но масса крестьян, народа, оставалась на месте в любом случае, иногда придерживаясь старой религии, иногда, с годами, меняя ее. Иудеи, самаряне, христиане и мусульмане Святой Земли – это разные части того же народа, по-разному решившие для себя дилемму: земля или вера. Крестьяне предпочли землю, священнослужители предпочли веру. В Абуде и прочих селах Святой Земли живут выбравшие землю.

История Святой Земли и ее населения не началась в дни арабского завоевания VIII в. Она уходит далеко вглубь веков. Чтобы понять ее настоящее, обратимся к ее прошлому. Пройдем по пространству и по времени – от Адама до Интернета, и возьмем за образец персидские и арабские хроники с их «прелестной смесью легенд и сплетен. Они начинают с Сотворения мира, а кончают последним дворцовым скандалом» (Артур Кестлер).

ВЛАДЫКА ФЕОДОСИЙ

(По случаю визита владыки Феодосия в Париж)

Вы даже не знаете, как вам повезло, если вы в этот уик-энд в Париже! Вы можете пойти в воскресенье к 10 часам утра в недавно (неделю назад) открытый и освященный русский новый Свято-Троицкий кафедральный собор на набережной Бранли (1-5 Quai Branly), а там служит литургию замечательный палестинский архиепископ, владыка Феодосий (он меня крестил и некоторых моих друзей и детей). Он лишь на три дня прилетел в Париж, так что редкая оказия вам представляется!

Владыка Феодосий (Аталла Ханна – так зовут его мирским именем) – вы можете следить за ним по Фейсбуку – и увидите, что он трудится, не покладая рук, непрерывно встречается с людьми и делегациями, служит службы – единственный палестинец среди иерархов Иерусалимской патриархии, все остальные иерархи – греки, а миряне – палестинцы. Греки, увы, склонны к чрезмерному филетизму (филетизм умеренный мне представляется неизбежным и терпимым) и преследуют владыку Феодосия – так говорят преданные ему православные палестинцы. Многие призывают его уйти в раскол, но он мужественно отказывается, несмотря на все лишения – ведь за ним стоят все православные палестинцы.

Вот уже четыре года владыка не получает жалования, он – единственный архиепископ – не член синода. Несмотря на его преданность делу мира, преследуют его и израильские власти. Он – единственный иерарх церкви, не имеющий пропуск, а без пропуска палестинцу очень трудно передвигаться по оккупированной территории.

Дело в том, что архиепископ Феодосий – патриот и любит свой многострадальный палестинский народ. Христос был палестинцем, говорит он. Он родился в Вифлееме, вырос в Назарете – где по сей день живут потомки Его учеников. Владыка непрестанно выступает в защиту палестинцев – в то время, как Израиль пытается представить палестинцев как исламистов-экстремистов, выступления православного палестинского иерарха портят израильскую игру.

В последнее время среди православных Палестины появился ренегат – священник, который призывает православных служить в израильской армии и бороться против своих палестинских братьев. Владыка Феодосий выступил против ренегата – он настаивает на единстве всех палестинцев вне зависимости от религиозной принадлежности. Сионисты, естественно, предпочитают ренегата.

Они давят на владыку руками иерусалимского патриарха Феофила, и тот, увы, помогает Израилю. Несколько дней назад Феофил вызвал владыку Феодосия, и пообещал ему место в синоде и жалование, и прочие блага – если он откажется от своей борьбы за палестинский народ. Но Феодосий отказался стать изменником. Поэтому его положение остается очень сложным и тяжелым – но его путь – единственно возможный для того, чтобы православные Палестины смогли и дальше жить рядом со своими иноверными братьями.

Владыка Феодосий искренне любит русскую православную церковь, любит ее по-братски, не за деньги – в отличие от греческих епископов, которые умеют выкачивать деньги из Москвы, а сейчас и вовсе требуют дать им еще одно подворье в Москве. Паломники из России, приходящие в Храм Гроба Господня в Иерусалиме, знают, что владыка Феодосий всегда готов им помочь. Владыка Феодосий представляет всех палестинских православных, а их десятки тысяч, как в стране, так и за рубежом, в изгнании.

Вот и сейчас от их имени он прилетел в Париж, чтобы служить в это воскресенье литургию в новом русском соборе.

Русские православные люди должны сказать Иерусалимскому патриарху, что они заботятся о своих палестинских православных братьях и требуют прекратить гонения на архиепископа Феодосия.

Артём Курничёнок

Артём Кирпиченко (р.1975) Историк, публицист. В 1993-2003 годах учился в Иерусалимском университете, где защитил докторскую диссертацию. Автор монографии и ряда статей.

ИЕРУСАЛИМ - 90

Я запомнил только одно десятилетие города, которому 3000 лет. Тогда, в девяностые – годы эмиграции и учебы – я исходил Иерусалим вдоль и поперек, от Тальпиота до Писгат-Зеэва и от Катамон до Эйн Геди. Для нищего студента-эмигранта пешеходные прогулки были самым доступным времяпровождением, и бесчисленное число тихих иерусалимских суббот было потрачено мною на странствия по холмистым улицам, застроенным домами из желтого камня.

«Пам хайта ли медина ахерет»¹ поет израильский певец. Иерусалим тоже был другим. Несмотря на то, что город считался столицей Израиля, в него тогда не пришли большие деньги, которые влекли за собой перемены. Стройки велись неспешно, и я годами мог наблюдать котлован на месте нынешней центральной автобусной станции. Даже в самом центре города, около Кнессета и министерского квартала можно было долго идти вдоль пустынных каменистых холмов. В августовский хамсин или в декабрьский ливень подобный променад становился маленьким будничным подвигом. На окраинах между районами зеленели плантации окрестных киббуцев, на которые совершали опустошительные набеги понаехавшие мигранты из стран бывшего СССР.

Исторические районы в окрестностях улицы Яффо и Кинг Джорджа еще хранили тот облик, который видели придворные германского кайзера и легионы Алленби. В начале улицы Яффо дома редко были выше двух этажей. В них находились бесчисленные магазинчики, конторы, обменные пункты и фалафельные. Последние были оккупированы пенсионерами – старичками в черных беретах и толстых армейских куртках «дубонах», аналогах советских ватников. Ветераны читали «Маарив», пили «кофе израили» и играли в шеш-беш.

Между иерусалимскими домами часто можно было найти узкие проходы, которые таили не меньше сюрпризов, чем знаменитые петербургские дворы. Поворот, еще один – и вот ты оказался на совсем другой улице... Или в проеме между зданием ты внезапно видишь вывеску «Русские книги», где дебая Белла или Полина сначала порекомендует тебе купить последнюю книгу Эдуарда Тополя, а потом предложит взять на прокат видеокассету.

Теоретически по будням в Иерусалиме можно было найти сутолоку и толпу, но в целом для этого города более типично одиночество и созерцание. Пару шагов от перекрестка улицы Бен-Йехуда и Кинг Джордж – и ты снова наедине с собой в тихом оазисе богатой Рехавии. Исраэль Шамир когда-то написал, что Иерусалим хорош для онанистов, но что в этом плохого, особенно для выходца из священного города скопцов?² Как и Питер, Иерусалим хорошо идет с мягким креслом и клетчатым пледом. Особенно зимой.

Ну, а окраины города сулили одинокому путнику и вовсе библейские пейзажи. Пара шагов в сторону от последних домов – и ты видишь бедуинских пастухов с отарой овец, водителя-дальнобойщика из Хеврона, совершающего намаз прямо около трассы, и виднеющиеся на горизонте руины крепости Иродион. Впрочем, лично я отдавал предпочтение видам, открывавшимся с Хар-ха-Цофим, Горы Скопус, местоположения Иерусалимского университета. Посмотришь на запад – вид грешного города Иеурашалаим с надвигающейся тьмой. Посмотришь на восток – бескрайние холмы пустыни, глядя на которые то хочется встать на колени и начать диалог со Вседержителем, то достать бутерброд с сыром и устроить пикник.

Иерусалим – самый не израильский город Израиля. Его рельеф и архитектурные памятники резко контрастируют с прочими городами этой страны (ха-Эрец) напоминающими декорации к фильму «Ирония судьбы». Да и сами иерусалимцы больше похожи на евреев и на арабов, чем на израильтян. Посмотришь налево – идут ортодоксальные литваки в папах

1 «Когда то у меня была другая страна»

2 Русские скопцы считали Петербург своим священным городом.

и лапсердаках, посмотришь направо – в парке Ха-Паамон сидят на траве бедуины, а рядом пасется их верблюд. Вероятно, израильтянам трудно прижиться в Иерусалиме из-за климата, только приспустишь джинсы ниже пояса, как это принято у местных мачо – подует ветерок, и радикулита не миновать!

В старое время израильтян в Иерусалиме можно было увидеть у центральной автобусной станции и на рынке Махане Йехуда. Именно последний считался прибежищем эталонных «арсов» – патриотов, увешанных золотыми цепями и сидящих под портретами Менахема Бегина, выведшего «мизрахим» из ашкензаского рабства. Я часто проходил через Махане Йехуда возвращаясь домой после учебы в йешиве, покупая за шекель двадцать банку теплой колы из коробки.

А еще был набитый под завязку автобус номер семь и водитель, орущий, что пока двери не закроются, он не тронется с места, заколоченный железнодорожный вокзал, построенный то ли при турках, то ли при мандате, наглые вопящие нищие, неизменные патрули пограничников (МАГАВ) и эмигранты из СНГ, вечно толпившиеся у здания Министерства Абсорбции на улице Гилель.

Сегодня этот Иерусалим является лишь горькой усладой моих воспоминаний. Да, я поддался обаянию этого места, где с холмов на тебя смотрят то ли двадцать, то ли тридцать веков. И возможно в свои последние мгновения, когда мой мозг будет угасать от недостатка кислорода, я пройду по залитым полуденным солнцем улицам из желтого камня, держа в руке банку теплой колы.